

Грачев Николай Дмитриевич

**КРИТИКА ИДЕИ СУВЕРЕНИТЕТА В СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ:
ПАРАДИГМАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ**

Темой статьи является анализ стратегий критики государственного суверенитета в современной социально-философской мысли. Автором выделяются базовые подходы: технологический, юридический, антропологический, выявляются их концептуальные основания и возможности трансформации идеи государственного суверенитета с учетом критических замечаний.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/5-1/18.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 5 (11): в 4-х ч. Ч. I. С. 70-74. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/5-1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 316.33

Темой статьи является анализ стратегий критики государственного суверенитета в современной социально-философской мысли. Автором выделяются базовые подходы: технологический, юридический, антропологический, выявляются их концептуальные основания и возможности трансформации идеи государственного суверенитета с учетом критических замечаний.

Ключевые слова и фразы: суверенитет; социальное пространство; глобализация; национальное государство.

Николай Дмитриевич Грачев

Кафедра философии человека

Педагогический институт

Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского

nik76@bk.ru

КРИТИКА ИДЕИ СУВЕРЕНИТЕТА В СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ: ПАРАДИГМАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ[©]

Идея государственного суверенитета долгое время считалась настолько естественно присущей самой природе политического устройства, что не подвергалась особым сомнениям. В центре внимания сторонников либеральных концепций находился вопрос о границах компетенции государства и общества, что, с одной стороны, утверждало неотъемлемый приоритет индивидуальных прав по отношению к любым формам политического принуждения, но, с другой стороны, не подвергало критике сам принцип государственного суверенитета, его объективную необходимость. Всплеск критики концепции суверенитета совпал хронологически с интенсификацией глобализационных и коммуникационных процессов, поставивших под вопрос приоритет государства в принятии ключевых решений и определении траекторий экономического и политического развития.

В 60-е годы XX в. сторонники концепции информационного общества обосновали позитивный сценарий мирового развития, согласно которому глобализация делает возможным исчезновение государственных границ, стеснявших развитие личности и препятствовавших актуализации ее сущностных способностей [1, с. 23]. С точки зрения Д. Белла и других сторонников данной концепции, информатизация общества и становление глобальных коммуникаций делают затруднительным тотальный диктат над умами сограждан, что привело в первой половине XX в. к становлению тоталитарных режимов. Усиление межгосударственных контактов и возникновение специализированных политических институтов, отвечающих за принятие решений, находящихся вне компетенции отдельных государств, хотя и способствовало ослаблению национального суверенитета, но это ослабление искупалось несомненными плюсами.

Теоретики постиндустриализма исходили в построении своих концепций из представления о том, что капитализм в своем неуклонном развитии переходит на кардинально новую стадию развития, характеризующуюся постепенным изживанием тех социальных конфликтов, которые определяли контуры предшествующей стадии цивилизационного развития. При этом доминирующей силой, способной обеспечить не только экономическое улучшение человеческого существования, но и трансформацию соответствующих политических институтов, объявлялась техника. Именно в силу закономерности научно-технического прогресса и распространения его плодов на все виды человеческой деятельности внимания конкретным мерам по распределению власти и систем управления в постиндустриальном (информационном) обществе не уделялось. Более того, сторонники теории индустриального общества связывали дальнейший прогресс именно с могуществом государства, «государства благосостояния», чьи интересы отождествлялись с интересами крупных корпораций: «Индустриальная система неразрывно связана с государством. Развитая корпорация в важнейших отношениях является орудием государства. А в важнейших делах государство выступает как орудие индустриальной системы» [2, с. 350]. Представление о том, что развитие средств коммуникации не просто упрощает контакты между людьми, но и способствует резкому изменению политической реальности, еще не стало доминирующим на первом этапе становления теории информационного общества.

Вместе с тем необходимо отметить, что первые вопросы, которые в начале XXI в. выйдут на передний план в дискуссиях по поводу политического развития, стали возникать еще в послевоенные годы. Их постановка оказалась напрямую связана с тем, что формирующийся политический миропорядок по многим параметрам не совпадал с привычными схемами межгосударственного взаимодействия. Таким образом, внимание к процессам изменения роли государства в современном мире оказалось спровоцировано поиском оптимальных форм взаимодействия государств в условиях возникновения первых реально действующих негосударственных организаций (ООН), обладающих тем не менее политическими функциями. Организация объединенных наций, пришедшая на смену нежизнеспособной и показавшей свою неэффективность Лиге наций, стала первым примером еще не ослабления государственных суверенитетов, но, по крайней мере, выполнения части тех функций, которые традиционно признавались только за суверенными государствами.

Система взаимоотношений между политическими субъектами, основанная в 1648 г. и построенная на признании незыблемости территориальной целостности отдельных государств, оказалась подвергнута сомнению. Сам принцип суверенитета нуждался в ревизии в соответствии с новыми принципами функционирования мировой политики.

Необходимо помнить, что само введение территориального суверенитета в качестве наиболее существенного признака политического субъекта также было вызвано конкретными социально-политическими условиями, возникшими в эпоху Нового времени. Появление этой идеи было вызвано общими условиями политической жизни того времени, «которые привели к столкновению государственной власти с различными враждебными ее самостоятельности и верховенству силами» [6, с. 38]. Окончание эпохи феодальной раздробленности, сопровождавшееся усилением центростремительных тенденций в политической жизни, а также снижением уровня различий между отдельными регионами в рамках складывающегося государства, - все эти факторы привели к тому, что автономность власти в определенных территориальных границах от любых внешних воздействий, а также легитимность этой власти в глазах собственных подданных выразилась в идее суверенитета.

Социально-философская рефлексия по поводу данной идеи начала складываться практически сразу после ее возникновения и стала заслугой целого ряда выдающихся фигур мировой мысли: Гоббса, Локка, Руссо. Основоположники теории общественного договора обратились в своих рассуждениях к наиболее дискуссионным аспектам теории суверенитета - проблеме носителя суверенной власти, соотношению внешнего и внутреннего суверенитета, вопросу о границах свободы индивида по отношению к суверену. При этом базовая идея суверенности государственной власти по отношению к другим формам власти - внешним или внутренним - оставалась незыблемой. По словам современного исследователя, «Вестфальский мирный договор закрепил эти положения в свете реалий быстро развивающегося капитализма, когда суверенное государство, обладающее всей полнотой власти на собственной, четко обозначенной территории и независимостью от власти какого-либо другого государства, было признано единственным легитимным актором на международной арене» [3, с. 71].

Вестфальская система с несущественными изменениями в своем устройстве существовала на протяжении нескольких столетий, пока не сложились предпосылки ее ревизии. Дело в том, что именно суверенность отдельных государств и опора на принцип саморегулирования политических отношений оказались «слабым местом» в процессе достижения внешнеполитических договоренностей. Неудивительно поэтому, что одними из первых критиков концепции суверенитета стали представители юриспруденции, усмотревшие в пролонгировании существования подобной системы угрозу для любых попыток достижения взаимопонимания и коллективной ответственности. Именно в конкретных исторических условиях, обусловленных становлением системы коллективной безопасности, оказалось возможным возникновение теорий, предусматривающих исчезновение национальных государств в обозримой исторической перспективе.

Институциональным фактором подобных методологических инноваций стало возникновение межгосударственных организаций, которые не просто осуществляли координацию действий отдельных государств (чем занимались все военно-политические блоки еще в XIX в.), но стали приобретать самостоятельное значение, принимая на себя функцию принятия важнейших внешнеполитических решений. Кроме уменьшения политического влияния, государства столкнулись и с тем обстоятельством, что процессы экономической интеграции создали необходимые предпосылки для создания новых игроков на политической арене - транснациональных корпораций, а также органов координации межгосударственной экономической деятельности (МВФ). Подобная ситуация прямо свидетельствовала о том, что влияние государств в качестве главных субъектов политического управления подвергается значительной коррекции. Подобные тенденции уменьшения роли государства оказались сопряжены в концепции информационного общества с усилением влияния средств массовой коммуникации, обеспечивающих рост контактов между представителями различных регионов земного шара. С точки зрения теоретиков информационного общества, интенсификация коммуникационных связей свидетельствовала о перерастании человечеством стадии государственного устройства и выходе на новые рубежи развития.

С точки зрения Э. Тоффлера, информационное общество должно было стать новой стадией развития человечества, характеризующейся, в первую очередь, изменениями в повседневной жизни человека, но влекущей за собой существенные изменения и в структурировании политического пространства. Для этого, в первую очередь, должно произойти кардинальное перераспределение власти между политическими субъектами, выражающееся в создании новых институтов управления и уменьшении принципа представительности при принятии властных решений [9, с. 235]. Развитие коммуникации делает возможным уже не делегирование полномочий принятия решения отдельным лицам или властным институтам, а может обеспечить непосредственное участие населения в процессе управления.

Дальнейшая критика концепции суверенитета оказалась связана с юридическим анализом современной практики международных отношений. С точки зрения правоведов, в послевоенное время суверенитет хоть и стал формально основой налаживания межгосударственных контактов, но его реальное значение оказалось значительно ниже официально признаваемого. С одной стороны, реальный суверенитет, понимаемый как распространение законодательно оформленной власти на определенную территорию, принадлежит нескольким государствам, хотя его наличие признается за остальными странами, что уже ставит под вопрос возможность налаживания между ними равноправного диалога. С другой стороны, создание системы мировой безопасности не просто не соответствует существованию замкнутых, автономных государственных суверенитетов, но вступает с принципом суверенности в прямое столкновение. Данное положение вызывает потребность в

юридическом переосмыслении базовых оснований суверенности и выведении новых правовых норм, описывающих взаимодействие государства в координатах уже нового глобального мира. У Я. Тинбергена подобное требование выражено в еще более категоричной форме: «Отказ от суверенитета есть единственный путь избежать анархии или полуанархии наших современных международных отношений» [8, с. 35].

Таким образом, 70-е годы XX столетия стали важной вехой в поиске новых оснований суверенности на этот раз уже с юридических позиций. Если первые теоретики информационного общества еще настаивали на достижении экономического благосостояния в рамках государственного устройства, то их последователи распространили понимание трансформации основных социальных институтов, определяющих существование человечества, и на суверенное государство. По сути, был поставлен вопрос о возможности существования автономных политических субъектов в мире, который оказывается связан громадным количеством политических коммуникаций, юридических норм и экономических связей.

90-е годы ознаменовали собой новый этап в осмыслении места суверенного государства в условиях новой коммуникационной реальности. Особую роль в становлении новой антропологической парадигмы сыграли доклады Римского клуба, особенно первый из них - с красноречивым названием «Первая глобальная революция», авторами которого стали видный деятель и впоследствии президент организации Александр Кинг и Бертран Шнайдер. Эти теоретики обобщили уже имевшийся на тот момент опыт модернизации отдельных государственных органов в условиях глобализирующегося общества и попытались вывести сделанные ими выводы на уровень социально-философской рефлексии. Особое место в их размышлениях занимала судьба суверенного государства. Дело в том, что традиционные стратегии управления в новых условиях демонстрируют свою неэффективность, что означает не просто смену управленческих стратегий, а поиск новых субъектов управления, которые позволят обеспечить реализацию каждым индивидом своих способностей и удовлетворение потребностей. «Распространение технологий по всему миру, необходимость общих стандартов, положений для согласованных действий и тысячи других технических соглашений представляют до конца еще не осознанное сплетение взаимозависимости и фактической эрозии суверенитета. Сама концепция суверенитета, объявленная всеми правительствами святая святых, ставится под сомнение, и не только как результат развития региональных сообществ. На самом деле для многих небольших государств уже характерен лишь слабый контроль за своими делами. Причина - решения, принятые за пределами этих стран, такие как установление цен на потребительские товары, процентных ставок и т.п. Эрозия суверенитета может быть для большинства стран позитивным шагом к новой глобальной системе, в которой национальное государство будет, по всей вероятности, иметь меньшее значение» [4, с. 25]. Итогом размышлений теоретиков Римского клуба стало понимание неизбежности трансформации государственного суверенитета в условиях складывания глобальной политической системы.

При этом необходимо отметить, что основным стимулом подобной трансформации, по мнению членов Клуба, является не улучшение гибкости управленческих стратегий и повышение эффективности политического управления, а обеспечение нормальной жизнедеятельности человека в изменившихся социально-экономических условиях. Природа человека не является причиной постигнутой современную цивилизацию антропологического кризиса. Причина этого кризиса лежит в кардинальном несоответствии между мышлением человека, стремящимся к воспроизводству уже сложившихся образцов поведения, и изменяющимся миром. «Корень возникших затруднений во внутреннем кризисе самого человека, его разладе с реально существующим миром - миром, как никогда стремительно и радикально меняющимся прямо у него на глазах» [7, с. 180].

Решить эту проблему можно только при постепенном и последовательном воспитании в человеке чувства сопричастности происходящим событиям, воспитании в нем чувства ответственности уже не за семью или отдельную социальную группу, а за глобальный мир в целом. Новый гуманизм становится идеологией человечества в глобальном мире, а суверенные государственные границы, мешающие реализации этого принципа в полной мере, становятся препятствием на пути возникновения единой человеческой цивилизации. Поэтому предпосылкой любых политических изменений должна была стать, по мнению А. Печчеи, солидарность как базовый принцип взаимоотношений между людьми. Построение нового мирового порядка, таким образом, необходимо начинать не сверху, а с самых низовых властных структур: «Необходимо коренным образом перестроить наши институты, поскольку все они построены по вертикальному принципу, в то время как распределение самих проблем носит, скорее, горизонтальный характер» [Там же, с. 94]. Принцип последовательного изменения структур мышления и повседневного существования человечества распространялся и на политическую сферу - прежде чем модернизировать мировое сообщество, необходимо подвергнуть модернизации структуры внутри каждого политического субъекта. Важнейшим из подобных изменений должен стать отказ от принципа суверенитета в качестве основы политического устройства.

С точки зрения сторонников глобализации и информатизации мирового сообщества, современные регионы земного шара настолько тесно оказались переплетены в экономическом и культурном смысле друг с другом, что понятие независимости утратило какое-либо эвристическое значение. Императивом и ценностным основанием новой эпохи в развитии человечества должна стать замена *независимости* на *взаимозависимость*. А понимание взаимозависимости, в свою очередь, должно привести к добровольному отказу политических субъектов от значительной части собственной суверенности в пользу межнациональных и межгосударственных структур управления. При этом «процесс объединения сам по себе не предполагает автоматического отказа от атрибутов суверенности, но он способствует определенному растворению этого принципа: во-первых, распространяя его на значительно большие географические территории, а во-вторых, постепенно накладывая на них транснациональные узы и внедряя организации наднационального характера» [Там же, с. 231].

Отказ от суверенности политического устройства становился для теоретиков Римского клуба залогом дальнейшего существования человеческой цивилизации, одним из важнейших факторов изменения человечества. По словам Эрвина Ласло, «человеческое чувство солидарности должно перерасти от уровня сообществ и организаций на уровень всего человечества» [11, р. 66]. Суверенитет автоматически исходит из деления людей на «своих» и «чужих» (кстати, подобная логика была выстроена теоретиком неоконсерватизма К. Шмиттом), но подобное деление должно быть преодолено ради восприятия всего человечества как «своих», как представителей того же самого сообщества, к которому причисляет себя каждый человек.

Эти взгляды стали основанием для формирования целой традиции - антропологической критики государственного суверенитета. Поскольку государство оказывается не в состоянии оперативно реагировать на вызовы природы или технологического развития, то потенциал такого типа политических субъектов оказывается исчерпанным. Суверенное государство должно исчезнуть, потому что оно оказывается ненужным для решения ключевых вопросов, стоящих перед современным человечеством. Это положение тесно перекликается с высказыванием американского эколога и политолога П. Мише: «Когда мы пытаемся подойти к оценке современного экологического кризиса, мы сталкиваемся с главной дилеммой: существующие концепции и системы государственной независимости не соответствуют предпосылкам создания глобальной экологической безопасности» [5, с. 83-90]. Таким образом, экология человека, забота о его будущем становятся императивом политических изменений, проявляющихся, в частности, в исчезновении суверенности из современного политического лексикона.

Таким образом, в социально-философской критике концепции суверенитета можно выделить несколько базовых подходов.

1. *Технологический подход.* Техническое совершенствование способов коммуникации и человеческого существования обеспечивает достижение благосостояния, причем в рамках государства «всеобщего благоденствия». Данный подход не предполагал абсолютного отказа от суверенитета, а лишь его вынужденную трансформацию в соответствии с изменившимися техническими условиями.

2. *Юридический подход.* Концепция суверенитета начинает противоречить системе международных договоренностей, что заставляет отказаться в правовом аспекте от использования суверенности. Новый уровень юридического обоснования политического взаимодействия должен быть достигнут не между отдельными государствами, а посредством возникновения надгосударственных политических институтов.

3. *Антропологический подход.* Развиваемый в трудах теоретиков Римского клуба данный подход рассматривал отказ от суверенитета в русле целого блока мер, направленных на воспитание новой идеологии человечества, в основе которой должно было лежать чувство солидарности и ответственности за все мировое сообщество.

Реалии XXI века в значительной мере уменьшили футуристический пафос критиков суверенитета, поскольку эскалация конфликтов, в возникновении и развитии которых глобальные коммуникации играют не последнюю роль, свидетельствует о том, что попытки пересмотра государственного суверенитета в качестве базового принципа политического устройства являются чересчур поспешными. Пересмотр классической концепции суверенитета не должен еще означать полный отказ от внешнеполитической независимости и возможности принятия волевых внутривнутриполитических решений. Как показывает практика, современные межгосударственные институты (ООН, МВФ и др.) оказываются не в состоянии контролировать ключевые социально-политические процессы, способствовать консолидации мирового сообщества без активных действий ведущих мировых держав.

Концепция многополярного мира подчеркивает необходимость существования в мире множества политических субъектов, обладающих значительной степенью суверенности в принятии политических решений. Достижение политического консенсуса может являться продуктом сознательных усилий лишь независимых государств и представляющих их суверенов (правителей). В противном случае отказ от политического суверенитета приводит не к становлению утопического «общества равных возможностей», а к возникновению на основе доминирующей державы глобальной империи, распространяющей пределы своего суверенитета на все сопредельные территории. О возможности такого сценария говорят многие критически настроенные западные теоретики [10, с. 11-12]. В данном контексте возникновение концепции суверенной демократии имеет большое методологическое значение, поскольку позволяет утверждать возможность сохранения политического многообразия даже в условиях приверженности нормам демократического общественного устройства.

Список литературы

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М., 1999.
2. Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. М., 1969.
3. Иванов В. В. Теория государства. М., 2010.
4. Кинг А., Шнайдер Б. Первая глобальная революция. М., 1990.
5. Мише П. Суверенитеты в неустойчивой среде // Коммунист. 1991. № 13.
6. Палиенко Н. К. Суверенитет: историческое развитие идеи суверенитета и ее правовое значение. Ярославль, 1903.
7. Печчеи А. Человеческие качества. М., 1980.
8. Тинберген Я. Пересмотр международного порядка. М., 1980.
9. Тоффлер Э. Шок будущего. М., 2002.
10. Хардт М., Негри А. Империя. М., 2004.
11. Laszlo E. Conflicts and Coordinations in the Future International Society. Tokyo, 1976.

SOVEREIGNTY IDEA CRITICISM IN SOCIAL-PHILOSOPHICAL THOUGHT: PARADIGM BASES

Nikolai Dmitrievich Grachev
Department of Human Philosophy
Pedagogical Institute
Saratov State University named after N. G. Chernyshevskii
nik76@bk.ru

The theme of the article is the analysis of state sovereignty strategies criticism in modern social-philosophical thought. The author distinguishes the basic approaches: technological, juridical and anthropological and reveals their conceptual bases and the opportunities of state sovereignty idea transformation taking criticism into account.

Key words and phrases: sovereignty; social space; globalization; national state.

УДК 340(09)(470)

В статье раскрывается порядок судопроизводства в суде с участием присяжных заседателей по Судебным уставам 1864 года. Внимание акцентируется на тех его особенностях, опыт правового регулирования которых может быть использован для совершенствования законодательства современной России.

Ключевые слова и фразы: суд присяжных; судебный процесс; исследование доказательств; вопросный лист; вердикт.

Ольга Евгеньевна Громикова

Кафедра «Государственно-правовые дисциплины»
Пензенский государственный университет
gadfly1984@mail.ru

**ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА В СУДЕ С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ
ПО СУДЕБНЫМ УСТАВАМ 1864 ГОДА[©]**

Процессуальная форма суда присяжных обеспечивает последовательное соблюдение при рассмотрении и разрешении дела демократических принципов судопроизводства. Как известно, введение суда присяжных в России XIX века явилось одним из важнейших элементов судебной реформы 1864 года.

Правильная организация судебного разбирательства определяет результативность процесса с участием присяжных заседателей, влияет на выносимый присяжными вердикт и, как следствие, на приговор в отношении подсудимого. «Участие в уголовном процессе присяжных заседателей предполагало демократическую процедуру судебного разбирательства, что уже само по себе противоречило обвинительному уклону в судопроизводстве. Восприятие ими происходящего в ходе судебного разбирательства, оценка фактических обстоятельств дела были принципиально иными, нежели у суда, состоящего из профессионалов» [18, с. 13].

В связи с возрождением суда присяжных в современной России и сопутствующими сложностями становления и функционирования этого института целесообразным представляется обращение к дореволюционному опыту регулирования судопроизводства с участием присяжных заседателей.

Итак, процесс с участием присяжных назывался сессией. Каждый период заседаний с их участием открывался особым публичным судебным заседанием. На нем оглашался список подлежащих слушанию дел, проверялось, кто из присяжных явился в заседание, и выяснялись причины неявки. Присяжным объясняли их права, обязанности и ответственность. Затем присяжных заседателей торжественно приводили к присяге.

Православных присяжных приводил к присяге священник. Заседатели неправославных исповеданий приводились к присяге духовным лицом своей веры, а чаще за неимением такого - через председателя суда. Хотя и такие случаи были довольно редки. Так, среди лиц, избранных в присяжные заседатели по Пензенскому уезду за весь 1885 год (всего 240 человек), - трое присяжных римско-католического вероисповедания, четверо - лютеранского, один магометанского, остальные 232 - православные [3, д. 48]. А из всех очередных присяжных, избранных Саранской Комиссией за 1912 год (всего 280), - лишь один представитель не православной веры (римско-католической) [Там же, д. 139].

Уголовно-процессуальный закон того времени принимал в расчет и тех присяжных, которые принадлежат к вероучениям, не приемлющим присяги вообще, - они должны были дать торжественное обещание, соответствующее присяге.

Хотелось бы отметить, что действующий Уголовно-процессуальный кодекс РФ не предусматривает аналогичного случая принадлежности присяжного к не приемлющей присяги вере. Всех присяжных приводит в присяге председательствующий.